

УДК 821.161.1

Дедова Л. М.

Московский государственный областной университет

«СКАНДИНАВИЯ В ЛИРИКЕ Н. С. ГУМИЛЕВА»

L.Dedova

Moscow State Regional University

SCANDINAVIA IN N.GUMILEV'S POETRY

Аннотация. Статья посвящена созданному Николаем Гумилевым образу Скандинавии, принадлежащему к числу особо значимых для поэтического наследия поэта. Рассматриваются скандинавские мотивы как в ранней, так и в зрелой лирике поэта. Особое внимание уделяется книге стихов «Костер» (1918). Анализ стихотворений подчинен уточнению особенностей формирования индивидуального стиля поэта. Основная идея статьи состоит в том, что скандинавские мотивы у Гумилёва тесно связаны с «русской идеей» в его поэзии.

Ключевые слова: Образ, лирический герой, сакральность, геософия, мотив, культура.

Abstract: The paper is devoted to one of the special images in Nikolay Gumilev's poetic heritage – the image of Scandinavia. The Scandinavian motifs are studied in the poet's early and a mature lyrics. Special attention is paid to the book of poems "Fire" (1918). The purpose of the poems' analysis is to define the features of formation of individual poet's style. The main idea of this paper is that Gumilev's Scandinavian motifs are closely associated with the "Russian idea" in his poetry.

Key words: image, lyrical character, sanctity, geosophy, reason, culture.

Скандинавские, северные мотивы принадлежат к числу любимых мотивов в художественном мире поэзии Гумилёва. Обширных исследований в области истории поэзии на эту тему до сих пор создано немного. Ценный материал содержится в многоплановых работах Е.Ю. Раскиной «Поэтическая география Н.С. Гумилева» и «Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилёва». В первой работе говорится о том, что в «сакральной географии» [5, с. 41] поэта выделяется кельтский мир – наряду с египетской темой, карфагенским и абиссинским мифами, образами Персии, Франции и России. Исследовательница показала, что «странствия лирического героя поэзии Н. С. Гумилёва направлены на постижение "души земли", являются поисками "рая земного", особенно, сакрального пространства, подобного райскому саду, Эдему. Многие, наиболее важные топонимы, присутствующие в произведениях Н.С. Гумилёва, являются культуронимами – географическими реалиями, наполненными культурно-философским и религиозным смыслом. Такими культуронимами являются Абиссиния, Египет, Китай, Индия, Византия, Ирландия, Франция, Россия. Гумилёвский экзотизм является не пассивным, а активным, он направлен на постижение новых, далеких земель, подобных в своей первозданности райскому саду. Для творчества Гумилёва характерно сближение образов поэта, дающего вещам имена, и географа, путешественника, открывающего и познающего далекие земли. Как следствие, путешествие сродни познанию, открытию, называнию, одухотворению и окультуриванию земного пространства» [4, с. 34]. Вскользь касается этой проблемы и Анна Гомер в своем исследовании «Экзотизм и геософия Николая Гумилёва в контексте европейского колониального дискурса» [2].

Скандинавские мотивы в лирике поэта остаются недостаточно изученными и обделенными вниманием исследователей. С самых ранних сборников начинается развитие этой темы.

Уже в «Пути конквистадоров» звучат «мотивы Грига». Лирический герой стихотворения, слушая крики морской птицы, уносится в мысленное путешествие сквозь время. Ему видятся «холодный ветер, седая сага...» [1, с. 47], лунный свет и плеск волн. Лунное сияние рисует на воде призрачные замки, в которых заключены прекрасные девы. Эта картина приоткрывает тайны целого мироздания: «дальше песня меня уносит, я всей вселенной увижу звенья...» [там же]. Лирические мотивы Грига оживают в этом стихотворении. Здесь и норвежские горы, и густые леса, и гулкое эхо. Поэт переживает сильный эмоциональный всплеск: ему видится, как «на горном снеге алеют розы» [там же]. В финале стихотворения автор возвращается из своего мысленного путешествия, и перед его взором снова предстают волны и чайки. Они будто и не меняются, кажется, что время остановилось.

Стихотворение «Зачарованный викинг, я шел по земле...» датировано 1907 годом. Здесь автор отождествляет себя с викингом, одиноким странником. Он властвует над морской стихией, путешествуя на своем корабле. Воображению автора вновь рисуются образы «морской волны», «острова ундин» и т. д. Значительны для раскрытия темы и стихотворения сборника «Костер» (1918) «На Северном море», «Швеция», «Норвежские горы», «Стокгольм». Кроме того, нельзя не отметить драматическую поэму «Гондла» (1917) на исландско-ирландский сюжет. Высокую оценку «Гондле» дал Н. А. Оцуп, считавший эту пьесу лучшей из больших вещей Гумилёва [3, с. 98].

В сборнике «Костер», куда вошли стихи, созданные в 1916–1917 годах, поэт продолжает исследовать пласты мировой культуры. На этот раз Гумилёв воссоздает в своем воображении Норвегию, «сапфирную сокровищницу льда», соотнося её людей и пейзажи с образами Ибсена и Грига; Швецию, «страну живительной прохлады» и ее столицу – «смятенный, нестройный» Стокгольм, похожий на «мощный орган, потрясённый безмерно».

В июне 1917 г. поэт написал Л.М. Рейснер из норвежского Бергена: «...Здесь горы, но какие-то неприятные, не знаю, чего недостает, может быть, солнца...» [1, с. 526]. И действительно, образ норвежских гор в одноименном стихотворении Гумилёва предстает таинственно противоречивым. Поэт уже в начале стихотворения обращается к горам: «...Ваш гимн поёт кощунство иль псалом, // И вы, смотрясь в холодные озера, // Молитвой заняты иль колдовством?» [1, с. 216]. Норвегия для поэта – загадочная и мрачная страна, в чём-то схожая с Россией, но «не рождающая никогда» [там же]. Поэт наделяет горы чертами людей. У каждой скалы свое лицо, «дивное и неземное». Гумилёв восхищается красотой гор, но понимает их чужеземность, их неродство русской душе. Восхищение этими ландшафтами здесь переплетается с отстранённостью.

В стихотворении «На северном море» Гумилёв поведал читателям сагу о потоках древних викингов, наводивших страх на мирных жителей побережий. Поэт говорит о «расе завоевателей древних», которые не знают покоя и тоскуют, живя жизнью мирной, когда они лишены возможности «поить ненасытных пьяниц – железо, сталь и свинец» [1, 217]. Гумилёв говорит о них со скрытым восхищением, превознося не агрессивность, а смелость и отвагу, с особенной улыбкой подчёркивая, что не зря женщины грезят о них.

В стихотворении «Швеция» Гумилёв называет эту страну «священной навеки» для России. Он отводит России роль сестры и последовательницы Швеции: «И неужель твой ветер свежий / вотще нам в уши сладко выл / К Руси славянской, печенежьей/ вотще твой Рюрик приходил? [1, с. 216]. В прошлом существовала варварская, нецивилизованная, «печенежья» Россия. И Россия призвана помнить о своих истоках, о событиях давнего прошлого, в котором Швеция и ее «суровые мужи» оказали заметное влияние на развитие Руси. Но Россия, однако, забывает об этих славных страницах древности и предаёт

их ради «золотых ворот» Византии: «У золотых ворот Царьграда / забыт Олегов медный щит?» [там же].

В стихотворении «Стокгольм» перспективы будущего для Гумилёва трагичны и неразрешимы, что определяет устойчивый в его поэзии образ «заблудившегося» героя и «заблудившейся» Родины. Стихотворение посвящено теме поиска прародины. Лирический герой хочет остаться в Стокгольме, «в зелёной и солнечной этой стране» [1, с. 218], считая её своей Родиной. Но другая половина его души стремится в Россию. В конечном итоге он обреченно сознает, что «заблудился навеки в слепых переходах пространств и времен...» [1, с. 219]. Прошлое, подобно будущему, не поддается окончательному познанию, героем руководит невнятное сердечное влечение.

Скандинавские мотивы появляются у Гумилёва и позднее – в последней собранной самим поэтом книге стихов «Огненный столп» (1921). Яркий пример – стихотворение 1920 г. «Ольга», обращённое к актрисе и художнице О.Н. Арбениной-Гильдебрандт. В этом стихотворении автор художественно воплотил влияние на современного человека язычества, язычества не столько русского, сколько «варяжского». Скандинавские герои и вообще скандинавский эпос близки по духу самому Гумилёву и его творчеству. «Северные» мотивы связаны с осмыслением одновременно скандинавской и русской культуры, точнее, русской культуры в аспекте влияния скандинавского язычества. Лирический герой стихотворения забывает «христианские имена», погружаясь в другую культуру. «Древних ратей воин отсталый, //

К этой жизни затая вражду» [1, с. 299], хочет стать частью другой, древней культуры. Он желает перенестись в прошлое, к «сумасшедшим сводам Валгаллы, славным битвам и пирам» [там же]. Тема враждебности к современной жизни – отчасти декадентский мотив. Лирический герой говорит о том, что «год за годом все неизбежней // запевают в крови века» [1, с. 300]. С каждым днем прошлое все более довлеет над жизнью современной в душе лирического героя.

Швеция в текстах Гумилёва — это страна «суровых мужей», подобных Рюрику, пришедших править дикой, степной, печенежьей Русью и поднять её для силы, славы и победы («Швеция»). Русь, сформировавшаяся в атмосфере «слияния» мужественной скандинавской культуры и изнеженной византийской, в сакральной географии Гумилёва переняла силу и удаль варяжских «суровых мужей» и византийскую красоту и загадочность.

Таким образом, скандинавские мотивы у Гумилёва тесно связаны с «русской идеей» в его поэзии.

ЛИТЕРАТУРА:

1. Гумилев Н. С. Сочинения: В 3 т. Т. 1. Стихотворения. Поэмы. – М.: Худож. лит., 1991, – 592 с.
2. Гомер Анна. Экзотизм и геософия Николая Гумилёва в контексте европейского колониального дискурса [www.gumilev.ru.] [10.06.2011]
3. Оцуп Н.А. Современники. – Париж, 1961, – 121 с.
4. Раскина Е.Ю. Геософские аспекты творчества Н. С. Гумилёва. — М.: МГИ имени Е.Р. Дашковой, 2009, – 200 с.
5. Раскина Е. Ю. Поэтическая география Н.С. Гумилёва. – М.: МГИ им. Е.Р. Дашковой, 2006, – 164 с.